STAATS BIBLIOTHEK BERLIN

РУЛЬ

Preis 50 Pfennig

RUL, russische demokratische Tageszeitung

Herausgeber: I. Hessen, Prof. A. Kaminka, W. Nabokoff

Подписная цѣна въ Берлинѣ и пригородахъ, съ доставкою собственными разсыльными ежедневно на домъ — 10 мар., почтою 10 мар., при ежедневной непосредственной высылкѣ бандеролью — 15.60 мар. въ мѣсяцъ. Въ Германіи: Во Францію — 6 фр., Бельгію — 6 фр., Голландію — 1½ фл., Данію — 3 кр., Норвегію — 3 кр., Швецію — 2 кр., Англію — 3 шилл., Италію 10 лиръ, Америку — ½ долл., Швейцарію — 3 фр., Испанію — 3 пез., Финляндію — 10 ф. мар., Латвію — 17.80 герм. мар., Австрію — 15.60 герм. м.р., Венгрію—15.60 герм. м., Чехо-Словакію—17.80 герм. м., въ Польшу—17.80 герм. м. въ мѣсяцъ. Для военнопл. подп. въ конторѣ „Руля" за 1 мѣсяцъ 8 м. Къ заказу просятъ прилагать деньги, во избѣжаніе замедленія высылки.

Объявленія: 3 мар. 50 пф. за строку неппарели, для ищущихъ мѣстъ и для розысковъ — 2 мар. за строку. Пріемъ объявленій и подписки въ „Ullsteinhaus", Berlin SW 68, Kochstr. 22-26, и во всѣхъ городскихъ отдѣленіяхъ Ullstein'a, а также и въ редакціи газеты „Руль", Berlin SW 68, Markgrafenstrasse 73. Редакція открыта ежедневно отъ 11 часовъ дня до 2 час. дня. Редакторъ принимаетъ ежедневно отъ 3 до 4 час. дня. Телефонъ редакціи: Moritzplatz 47-61.

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕДНЕВНО ВЪ БЕРЛИНѢ

При ближайшемъ участіи **І. В. Гессена, проф. А. И. Каминки** и **В. Д. Набокова.**

№ 138-й | **Воскресенье, 1 мая (18) апрѣля 1921 года.** | **1-й г. изд.**

Въ этомъ номерѣ 10 страницъ.

Сегодня въ номерѣ:

Статьи:

Рѣчь д-ра Симонса.
*По существу — **П. Б. Струве.***
*За недѣлю — **П. О. Левина.***

Фельетонъ:

*Вѣнскія гастроли Московскаго Худож. Театра — **Странника.***
*Стихи — **В. Сирина.***
*Первомайскія рифмы — **Лерч.***

Библіографія:

*Разсказы Бунина — **П. Ш.** и др.*

Берлинъ, 30 апрѣля.

Сегодня православный Востокъ празднуетъ день Христова Воскресенія. Какъ всегда въ этотъ свѣтлый праздникъ Возрожденія, всѣ, кто вѣритъ въ Божественное Евангеліе спасенія и любви, соберутся для молитвы въ своихъ храмахъ и съ радостнымъ чувствомъ великаго освобожденія отъ оковъ грѣха и проклятія воскликнутъ: Христосъ Воскресе! Но болѣе, чѣмъ когда либо, горяча будетъ наша вѣра, и болѣе, чѣмъ когда-либо, свѣтлая вѣсть искупленія подниметъ и освѣтитъ наши сокрушенныя сердца и умиленныя души. И тамъ въ далекой и безконечно-милой Россіи, и здѣсь, на чужбинѣ, чувства и мысли вѣрующихъ будутъ озарены одной и той же вѣстью, одной и той же радостью. Чѣмъ мрачнѣе и упорнѣе сатанинская сила зла, ненависти и порабощенія, тѣмъ яснѣе и настойчивѣе наша вѣра въ силу добра, любви и освобожденія.

Въ нынѣшнемъ году великій праздникъ Свѣтлаго Воскресенья падаетъ на первое мая, день краснаго интернаціонала. Всепокоряющій и всепрощающій лозунгъ Христосъ Воскресе встрѣчается съ кровожаднымъ призывомъ къ боевой готовности во имя всемірной революціи. Какой изъ нихъ побѣдитъ?

По общему убѣжденію, переломъ уже наступилъ, и массы народныя начинаютъ прозрѣвать и отдавать себѣ отчетъ, куда ведетъ «орошенное кровью красное знамя». Въ самой Россіи большевики вынуждены были признать свое безсиліе въ безумной борьбѣ съ религіознымъ чувствомъ народа и въ особомъ декретѣ предписываютъ при утройствѣ первомайскихъ торжествъ избѣгать дѣйствій, которыя могли бы оскорбить религіозныя чувства. Какъ же глубокой должны быть эти чувства, какъ проникновенны и беззавѣтны, чтобы не только не сломиться подъ натискомъ жестокихъ и безсмысленныхъ издѣвательствъ, а еще сильнѣе окрѣпнуть. Какую несокрушимую твердость духа нужно имѣть, чтобы не поколебаться передъ лицомъ неслыханныхъ, нечеловѣческихъ испытаній, посѣтившихъ великую и славную Родину нашу.

Сегодня, когда душа волнуется великими словами Христосъ Воскресе, страшно подумать, какъ остры именно сегодня въ этотъ праздникъ любви душевныя муки братьевъ нашихъ въ удушающей атмосферѣ крови и ненависти. Благоговѣйно склоняясь передъ ихъ крестными страданіями, мы шлемъ имъ изъ далекой чужбины горячій привѣтъ и съ горячей вѣрой молитвенно повторяемъ: Христосъ Воскресе, Воскреснетъ Россія изъ мертвыхъ.

Событія дня.

Разногласіе между Франціей и Англіей.

(Отъ собственнаго корреспондента.)

Парижъ, 30. IV.

Изъ лондонскихъ сообщеній сегодняшнихъ парижскихъ газетъ видно, что начинающейся сегодня Лондонской конференціи придется имѣть дѣло съ принципіальнымъ разногласіемъ между Англіей и Франціей. Ллойдъ Джорджъ придерживается той точки зрѣнія, что передъ оккупаціей Рурскаго бассейна слѣдуетъ предъявить Германіи ультиматумъ. Франція не согласна съ этимъ предложеніемъ. Бріанъ требуетъ чтобы сначала были примѣнены принудительныя мѣропріятія, то есть, чтобы сначала былъ занятъ Рурскій раіонъ. Впослѣдствіи можно предъявить и ультиматумъ, если это окажется нужнымъ. Парижская печать высказываетъ надежду, что Бріану удастся провести свою точку зрѣнія.

По сообщеніямъ газетъ, несогласіе Англіи на военную оккупацію Русскаго раіона имѣетъ меньшее значеніе, чѣмъ возраженія противъ плана экономической эксплоатаціи Рурскаго раіона. Представители Сити, въ особенности углепромышленники и руководители транспортныхъ предпріятій засыпаютъ Ллойдъ Джорджа протестами.

Кабинетскій кризисъ въ Германіи.

Уже нѣсколько дней тому назадъ въ парламентскихъ кругахъ распространились слухи о предстоящей отставкѣ министра иностранныхъ дѣлъ Симонса. «Vossische Zeitung» подтверждаетъ, что слухи эти дѣйствительно имѣютъ основаніе. Симонсъ въ воскресенье подалъ прошеніе объ отставкѣ. Уходъ его считается рѣшеннымъ. Когда состоится отставка Симонса, пока еще сказать трудно. Канцлеръ предложилъ ему выждать во всякомъ случаѣ отвѣта Соед. Штатовъ на германскую ноту. Дальнѣйшія рѣшенія будутъ зависѣть отъ хода событій. По сообщенію этой же газеты кромѣ политическихъ причинъ, на рѣшеніе Симонса покинуть свой постъ имѣли вліяніе и мотивы чисто личные: его здоровье сильно расшатано той огромной работой, которая на его плечахъ.

Отставка Симонса выдвигаетъ вопросъ о положеніи всего кабинета. Возможно, что и канцлеръ Ференбахъ покинетъ свой постъ.

Рѣчь д-ра Симонса.

Въ послѣднихъ засѣданіяхъ рейхстага министръ Симонсъ произнесъ двѣ рѣчи, причемъ во второй коснулся довольно подробно и отношеній Германіи къ совѣтской Россіи. Часть германской прессы упрекаетъ министра въ томъ, что онъ въ данномъ отношеніи слѣдуетъ той линіи поведенія, которую проводитъ Ллойдъ Джорджъ, хотя казалось бы, что при разницѣ, можно сказать, противоположности интересовъ Англіи и Германіи въ отношеніи Россіи, здѣсь долженъ бы быть усвоенъ именно противоположный англійскому курсъ. Дѣйствительно, нельзя не вспомнить, что не успѣла Англія сообщить о подписаніи торговаго договора съ большевиками, какъ тотчасъ же и въ Берлинѣ былъ опубликованъ протоколъ предварительнаго соглашенія. Засимъ, комментируя заключенный договоръ въ палатѣ общинъ, Ллойдъ Джорджъ произнесъ историческую рѣчь на тему о государственномъ умѣ Ленина, который становится на правильную дорогу. Въ упомянутой второй рѣчи своей д-ръ Симонсъ, повидимому, поставилъ передъ собой ту же задачу. Правда, положеніе германскаго министра было еще затруднительнѣе, потому что за это время разыгрался коммунистическій «путчъ», который vox populi единодушно приписываетъ приказу изъ Москвы. Но министръ заявляетъ, что участіе совѣтскаго правительства не доказано, дѣйствія безотвѣтственныхъ руководителей русской коммунистической партіи не слѣдуетъ смѣшивать съ актами совѣтскаго правительства, которое де продѣлало въ послѣднее время нѣкоторую эволюцію, и все болѣе и болѣе отдаляется отъ коммунистической партіи въ собственномъ смыслѣ. Помилуйте, вѣдь Ленинъ даже угрожалъ сложить съ себя предсѣдательствованіе въ партіи, если ему будутъ мѣшать въ осуществленіи стремленія сдѣлать необходимыя уступки капитализму Запада.

Примирившись съ существованіемъ большевизма въ Россіи, по неволѣ, отчасти даже безсознательно приходится искать доказательствъ правильности такой политики, признаковъ возможности сосуществованія и симптомовъ отрезвленія совѣтской власти. Но этимъ вполнѣ понятнымъ желаніемъ трудно измѣнить факты. Намъ неизвѣстно, гдѣ и когда Ленинъ бросилъ угрозу отказаться отъ предсѣдательствованія въ партіи, но зато въ одномъ изъ послѣднихъ номеровъ берлинской совѣтской газеты можно было прочесть рѣчь Ленина, въ которой онъ не только не отдалялся отъ коммунистической партіи, но напротивъ напомнилъ своимъ слушателямъ, что въ свое время «лѣвые коммунисты» точно также, какъ теперь, видѣли опасность для коммунистическаго строя въ заключеніи брестлитовскаго мира, который однако оказался такъ на пользу Россіи, и привелъ къ революціи въ Германіи. Въ томъ же Новомъ Мірѣ можно было, при желаніи, прочесть торжествующія заявленія, что коммунистическая партія всецѣло одобрила новую тактику совѣтской власти, и что никакого расхожденія между властью и партіей нѣтъ. Копповская газета уже иронизируетъ по поводу утвержденія министра, что si non è vero è ben trovato. Намъ нечего доказывать, что такого расхожденія и не можетъ быть, потому что они слиты органически, потому что ихъ расчленить нельзя, потому что коммунистическая партія есть «государственное учрежденіе», существующее за счетъ государства. Ленинъ откровенно заявляетъ, что тѣ уступки, которыя онъ дѣлаетъ, вызываются не перемѣной взглядовъ, а безвыходнымъ положеніемъ, повелительно диктуются требованіями самосохраненія; ему вторитъ Воровскій, что они дѣлаютъ шагъ назадъ, чтобы имѣть больше разбѣга впередъ, а министръ иностранныхъ дѣлъ утверждаетъ, что совѣтская власть отрезвляется и отдѣляется отъ безотвѣтственныхъ членовъ коммунистической партіи. Удивляться ли, что большевики все выше подымаютъ голову!

По существу.

III.

Продолжаю развитіе своихъ мыслей о томъ, что бѣлые должны стать активными революціонерами въ борьбѣ съ краснымъ засиліемъ, мыслей, можетъ быть, непривычныхъ для многихъ читателей и потому не вполнѣ понятныхъ.

Пожалуй, для поясненія ихъ основы всего лучше можетъ послужить одно воспоминаніе.

Конецъ декабря 1917 г., январь и начало февраля 1918 г., т. е. первую эпоху существованія Добровольческой Арміи, я провелъ въ Новочеркасскѣ и Ростовѣ. Когда я бывалъ въ Парамоновскомъ особнякѣ въ Ростовѣ, гдѣ помѣщалась послѣ переѣзда изъ Новочеркасска ставка Корнилова и Алексѣева, меня всегда поражало сходство, внѣшнее и внутреннее, этой новой ставки съ прежней, Могилевской. Въ распоряженіи послѣдней ставки было около 10 милліоновъ солдатъ, въ распоряженіи первой едва ли состояло даже три тысячи бойцовъ. По объективному положенію одна ставка была абсолютной противоположностью другой. Но на отношеніи къ внѣшнему міру и къ врагу, съ которымъ приходилось бороться, и вообще на психологію участниковъ борьбы это различіе въ объективномъ положеніи отражалось очень мало. Психологически бѣлые держали себя такъ, какъ будто ничего не случилось, а между тѣмъ цѣлый міръ крушился вокругъ нихъ, и для того, чтобы одолѣть врага, имъ самимъ въ извѣстномъ смыслѣ нужно было переродиться. Вотъ этого перерожденія и не произошло. Тогда же я своими размышленіями и практическими соображеніями на эту тему подѣлился съ покойнымъ Л. Г. Корниловымъ, который съ свойственнымъ ему боевымъ темпераментомъ очень быстро и живо уловилъ практическую суть моихъ мыслей. Но дѣло тутъ, конечно, не только или даже не столько въ практическихъ пріемахъ и методахъ борьбы, сколько въ ея психологіи. Слабый можетъ постепенно стать сильнымъ, и онъ долженъ стремиться къ этому; но онъ ничего не достигнетъ, если онъ будетъ просто вести себя какъ сильный, не будучи таковымъ. Ничто не было столь вредно для «бѣлаго» движенія, какъ именно это состояніе психологическаго пребыванія въ прежнихъ условіяхъ, которыя перестали существовать, эта не программная, а психологическая «старорежимность». Въ Россіи въ 1917 г. началась длительная революціонная борьба, въ которую руководящіе «красные» вошли съ революціонными навыками, а руководящіе бѣлые съ навыками «старорежимными», соотвѣтствующими старому общественному укладу и прочному государственному порядку. Между тѣмъ ни того, ни другого уже не существовало. Люди съ этой «старорежимной» психологіей были погружены въ бушующее море революціонной анархіи, и въ немъ они психологически не могли оріентироваться. Я нарочно подчеркиваю, что «старорежимность» я понимаю въ данномъ случаѣ вовсе не въ программномъ, а въ чисто психологическомъ смыслѣ. Въ революціонной бурѣ, которая налетѣла на Россію въ 1917 г., даже чистые реставраторы должны бы были стать революціонерами въ психологическомъ смыслѣ. Ибо въ революціи найтись могутъ только революціонеры.

Всего ярче это сказалось, конечно, въ абсолютной психологической неумѣлости, въ полной нереволюціонности и, какъ это ни кажется парадоксальнымъ, въ «старорежимности» Временнаго Правительства. Временное Правительство уповало на легальность своего происхожденія отъ революціи, которая была признана самимъ главой государства, и въ то же время—на свою программную революціонность, вело себя гораздо беззаботнѣе въ обстановкѣ революціи, чѣмъ даже правительство Александра III въ обстановкѣ полнаго гражданскаго спокойствія. Опять таки одно воспоминаніе. Уже въ апрѣлѣ мѣсяцѣ 1917 г. для меня стало ясно, что только сознаніе абсолютно вѣрнаго, государственно-крѣпкаго